

A woman's back and profile are shown against a pink background. A large green leaf is placed on her head, and a smaller green leaf is on her back. The text is overlaid on a white semi-transparent box.

У счастья
ясные глаза

Министерство Любви

Светлана Асмилова

Светлана Демидова

У счастья ясные глаза

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167083*

У счастья ясные глаза: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-28219-7

Аннотация

Пора замуж – решила Наталья. И подруге Альбине тоже, хоть пока ее в этом убедить не удастся. Так что пришлось Наталье действовать одной. Где взять жениха? Да хотя бы в родном офисе! Она составила список холостяков, на которых стоит обратить внимание... И что же? Пункт № 1, пусть и не сразу, но ответил ей взаимностью! В пылу охоты Наташа сама не заметила, как влюбилась в этого мужчину не на шутку. Однако, откуда ни возьмись, на горизонте появилась его бывшая жена – настоящая красавица по имени Любовь. И начались такие интриги, что Наталье хоть в петлю лезь... А тем временем у Альбины тоже, кажется, начался роман. Только и на ее пути встала... все та же Любовь... И что теперь подругам делать?..

Содержание

ЧАСТЬ 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Светлана Демидова

У счастья ясные глаза

ЧАСТЬ 1

Кстати, меня зовут Натальей...

«Пункт № 1. Сначала расставьте все точки над „i“. Сразу дайте понять, что в случае неудавшегося романа вы останетесь друзьями. Объясните коллеге, что вы ожидаете от вашего романа, договоритесь, как вы будете себя вести на работе, кому расскажете о ваших отношениях (и следует ли кому-нибудь о них рассказывать).

Пункт № 2...»

Пункт № 2 и следующие за ним пункты руководства дамского журнала «Шарм» на тему «Как начинать служебный роман» мне читать уже не хотелось. Хорошенькое начало – сразу дать понять противоположной стороне, что роман может оказаться неудачным! Нет, я не отрицаю, он может закончиться неудачно, но зачем же сразу мостить мужчине дорогу к отступлению? Эдак при первой же трудности или размолвке он будет считать себя вправе заявить: «Ты сама предлагала в случае чего остаться друзьями».

Или вот этот пассаж: «Объясните коллеге, что вы ожида-

ете от вашего романа». Бред сумасшедшего, мнящего себя начальником планового отдела! В самом деле, может, еще поквартальный план мероприятий составить и оговорить виды премиального вознаграждения в случае его перевыполнения? Что ожидает от коллеги по роману любая женщина? Если этого не знает дамский журнал, то его сотрудникам впопру обратиться в подготовительную группу любого детского сада. Среднестатистический ее воспитанник с ходу скажет, что женщина хочет замуж. Она так устроена. Так запрограммирована. И с этим ничего нельзя поделать. Правда, уже в конце первого года супружества каждая вторая женщина хочет выйти из «замужа» обратно. Но не каждой везет сделать это безболезненно. Но даже и те, которым везет, сразу этого не понимают и поглупости даже пытаются покончить жизнь самоубийством. Но годика через полтора снова хотят замуж, потом снова из «замужа» – и так до бесконечности.

Вот возьмем меня. Я по собственному желанию вышла из «замужа» два года назад. Кстати тут будет упомянуть, что меня зовут Натальей. Так вот мой бывший муж Филипп, когда я ему предложила развестись, сказал:

– Натаха! Ты сошла с ума и без меня пропадешь.

Я ответила:

– Давай проверим.

Он согласился. Я взяла и не пропала. Тем более что Филипп оказался джентльменом (чего в замужестве я за ним не замечала) и великодушно оставил мне квартиру. Хотя, если

честно, то у его родителей такая квартира, что о-го-го... Но не об этом речь. Речь о том, что теперь я снова не против выйти замуж. Не подумайте, что за Филиппа. Сколько можно! Мы с ним были женаты десять лет. И что? Кроме ссор, в нашей с ним совместной жизни не было ничего хорошего. Даже ребенок почему-то не получился, хотя мы очень старались. Мы с ним, правда, никогда не обследовались, потому что боялись приговора, что кто-то из нас не может иметь детей. Без обследования получалось, что все еще у нас впереди, а мы просто еще не созрели до взятия на себя ответственности за новую жизнь. В конце концов, все у нас оказалось не впереди, а позади. Может, и хорошо, что детей не было. Мы с Филиппом разошлись в разные стороны, чтобы никогда не пересекаться и не мешать друг другу. Во всяком случае, мы на это рассчитывали.

Да-да! Вы правы! Напрасно я сбилась на бывшего мужа, но это неудивительно, потому что десять лет – это десять лет, и из песни их не выкинешь.

Замуж мне хотелось бы за другого. Два года – достаточный срок, чтобы в полной мере насладиться свободой. Я, например, насладилась под завязку, потому что моя свобода в конце концов обернулась махровым одиночеством, когда весь мир кажется несвежим и прогорклым. Оказалось, что я совершенно не готова к случайным связям и мимолетным необязательным знакомствам. Оказалось, что мне совершенно не нужен свободный, разнузданный секс. Или даже не раз-

нузданный, но без особых чувств и обязательств друг перед другом. Если я снимаю перед кем-нибудь одежду, то мне хотелось бы, чтобы у *него* (я ненавижу слово «партнер») от этого дух захватывало, чтобы он говорил мне нежные слова, а не такие, к примеру: «Перепихнемся – и в кабак!»

Да и кабаки мне наскучили в первые же полгода свободы от Филиппа. Поначалу, конечно, нравились. Я даже купила себе пару так называемых клубных платьев. Одно – густого ультрамаринового цвета с открытой спиной, второе – ярко-красное, обнажающее плечи. Но все это ярко-красное и ультрамариновое великолепие замечают на тусовках только в первые пятнадцать минут. Потом контингент напивается, помещение погружается в сизый дым, а все «клубящиеся» особи сливаются в копошащуюся на танцполе однородную вязкую массу. Иногда из этой массы вдруг неожиданно выныривают чьи-то липкие и совершенно незнакомые руки и пытаются в лучшем случае приобнять за плечи, в худшем – пролезть прямо в декольте. А те, которые «партнеры», в кабаке произносят свою сакраментальную фразу задом наперед: «Выпили – пора бы и перепихнуться!»

Честно скажу, «перепихнулась» я всего лишь с двумя. Один был демоническим брюнетом, сплошь в черной коже и темных очках. Мне понравились его длинные ноги, гибкие пальцы со стаканом нескончаемого шотландского виски и брутальное выражение лица. Он шептал мне на ухо длинные непонятные фразы, намекая на фантазмагорическое на-

слаждение, которое он способен доставлять женщинам. Не познавшая в своей жизни, кроме Филиппа, бывшего мужа, больше ни одного мужчины, я купилась на его намеки и, заплатив за такси, повезла к себе на квартиру. Фантасмагорическое наслаждение оказалось парой скромных тычков ослабевшим от алкоголя достоинством с последующим диким храпением поперек моей постели.

Утром, долго вглядываясь в маленькие мутно-водянистые глазки брюнета, уже не защищенные темными очками, я никак не могла понять, что в нем нашла вчера вечером. А он и вовсе никак не мог сообразить, кто я такая. Так и не сообразив, мутноглазый субъект очень долго мылся в моем душе и нагло выпил три огромных бокала кофе. И заметьте, не растворимого – я зачем-то намолола ему зерна! До сих пор простить себе этого не могу!

Вторым был очень молоденький блондин, со свежими щеками цвета бело-розового Санкт-Петербургского зефира по сорок девять рублей за килограмм. Блондин утверждал, что обожает женщин старше себя, потому что они его невероятным образом возбуждают. Очевидно, я оказалась чересчур стара для него, потому что он до такой степени перевозбудился, что ничего до меня не донес, расплескав все по дороге. Он так безутешно плакал после своего афронта, что мне пришлось спеть ему колыбельную песню, и блондин заснул на моей груди сладким сном маменькиного сынка и любимого бабушкиного внука. Утром я вытолкала его без всякого

кофе и душа, выдав на дорогу бутерброд с колбасой и двадцать рублей на транспорт.

А вот вам и последний довод против клубной жизни: утром после всех этих плотских удовольствий смотреть на свое лицо в зеркало довольно страшно, а приходится еще нести это лицо на работу и на всеобщее обозрение. Одним из таких утр, с отвращением разглядывая на своей помятой физиономии следы порочных наслаждений, я решила, что с меня хватит. Я хочу замуж. Хочу не «клубиться» и «перепихиваться», а любить и быть любимой в очередном законном браке.

Как вы думаете, куда первым делом обратит свои взоры служивая женщина, которой хочется замуж? Служивая – не в смысле военнообязанная, а обязанная ежедневно ходить на службу, то есть на работу, то есть в наше паршивое техническое бюро. Вы правы! Разумеется, на мужчин нашего же паршивого технического бюро и ближайших к нему окрестностей.

Итак! Представьте себе большой завод. Не можете представить? Ну... вы, конечно, опять правы: ничего большого в нашей стране уже не существует. Разного рода гигантизм канул в Лету, если, конечно, не считать финансовые пирамиды и долготерпение российского народа. И все-таки когда-то, поверьте мне на слово, завод был огромным, а я уже довольно-таки много лет работаю в Большом Инженерном Корпусе – именно так, каждое слово с большой буквы, – сработанным

как раз в эпоху гигантизма.

В Корпусе, согласно его названию, сосредоточен почти весь инженерно-технический персонал завода, если не считать жалкой горстки, которая не может оторваться от своего непрерывного производства (к примеру, сталелитейного) и всегда находится при нем. Хотя какое вам дело до непрерывного производства? Конечно же, никакого, а потому я продолжу про другое.

Двери нашего паршивого технического бюро выходят в длинный коридор, в котором ничего, кроме них, больше и нет. Двери, двери, двери... и еще раз двери. Налево, направо, налево, направо... Когда-то двери были утоплены в ниши и ходить по коридору было совершенно безопасно. Теперь на нашем этаже сделали евроремонт и... Вы улыбаетесь? Уже поняли, да? Точно! Впереди старых дверей на уровне стен коридора навесили новые – белые, с золотистым кантиком и очень смешными надписями «Офис такой-то...», «Офис эдакий...». Догадываетесь, что происходит, когда одновременно открываются в коридор сразу две белые с золотом двери: которая налево и которая направо? Муха под резиновым пластом мухобойки наверняка чувствует себя уютнее, чем инженерно-технический работник, попавший между двумя европеизированными створками.

А стены! Их оклеили бумажными обоями под покраску. Покрасили в тон рассыпчатой нежно-розовой пудры «Рашель». У моей бабушки в молодости была такая. Продава-

лась в круглой коробочке из папье-маше и открывалась за шелковую кисточку, приделанную к верхней крышечке. Можете себе представить, во что превратило эту «Рашель» в какие-то две недели наше мужичье, привыкшее обсуждать самые животрепещущие вопросы производства (и не только его), привалившись плечами и спинами к стенам и пуская кольца малоароматного дыма дешевых сигарет. Честное слово, раритетная стенная газета «За передовой труд» и стенд с графиком шахматно-шашечного турнира между работниками бюро, которые украшали стены коридора до евроремонта, выглядели значительно лучше.

Кстати, тут как раз есть смысл сказать и о мужичье. В упомянутом коридоре и за многочисленными дверями представителей сего славянского племени копошится, конечно, видимо-невидимо. И я, представьте, всех их знаю. Среди них всего четыре с половиной холостяка. Молодняк не в счет. Я еще не в том возрасте, чтобы бросаться на юнцов. Один раз бросилась (ну, вы помните, зефир бело-розовый), и достаточно. Мне нужен мужчина от тридцати пяти до... Это самое «до» практически не имеет ограничений. Главное, чтобы песок не сыпался. И перхоть, кстати, тоже. Надо сказать, что выбор в этой категории очень ограничен, потому что мужчины предпочитаемого мной возраста в большинстве своем безнадежно женаты. Холостых, как я уже сказала, всего четыре штуки с половиной.

Вам хотелось бы знать, кого я именую половиной? Охотно

ответчу – Сергея Семеновича Никифорова, который работает в соседней комна... то есть в соседнем офисе. На самом деле он никакая не половина. Он огромный мужичара с квадратными плечами и ладонями с экскаваторные ковши, за что заслуженно носит кличку Слон. Этот Слон, между прочим, давно строит мне куры. Стоит нам пойти друг другу навстречу в коридоре, как я обязательно попадаю практически в его объятия. Но он для этого не совершает никаких непристойных телодвижений. Просто он такой огромный, что если хорошенечко развернет плечи, то способен перегородить ими весь коридор от одной евродвери до другой. Чтобы мне можно было пройти, он разворачивает свое немыслимое тело градусов на десять, не больше, и я вынуждена протискиваться между дверью (рискуя быть ею убитой) и слоновьей грудью, протирая одежду о его стальную мускулатуру. Слон при этом смотрит на меня кроткими глазами очень маленького теленка, томно вздыхает и исходит запахом туалетной воды «Мачо».

Я считаю его половиной, потому что он женат, но очень непрочно. То есть он женат на Лире, которая работает с ним в одном бюро. По молодости эту пару, согласно находке известного баснописца, звали не иначе, как Слон и Моська. Но не потому, что Лира была маленькой и суетливой (она как раз наоборот, женщина в теле и с достоинством), а потому, что носила фамилию – Мосина. Со временем эта неблагозвучная девичья фамилия Лире как-то изгладилась из об-

щественной памяти, и их с мужем стали называть Слон и его Муза, справедливо считая, что лира как предмет совершенно неотделима от музыки, в смысле – вдохновения. Слон был талантливым инженером и очень скоро дослужился до начальника бюро. Лира всем говорит, что за пятнадцать лет совместной жизни в однокомнатной квартире и сидения за соседними столами на службе, он как начальник и одновременно муж достал ее так, что она готова подарить его любой страждущей женщине. Страждущих женщин в нашем коридоре предостаточно, но все знают, что дорогу он перегораживает только мне. Когда на его пути оказываются другие женщины, он непостижимым образом уменьшается в размерах, и ни одной из страждущих так и не удалось хотя бы чиркнуть по его бицепсам прицельно наведенной грудью.

Еще Лира всегда говорит и при этом очень выразительно на меня посматривает, что ей хотелось бы, чтобы какая-нибудь из страждущих женщин сделала бы первый шаг сама, потому что ее супруг, несмотря на пугающие размеры, никогда сам на это не отважится. А если ее Слон будет пойман с поличным, то она с радостью турнет его из своей жизни, потому что давно уже хочется, а повода пока никакого нет.

Что касается меня, то я почему-то пугаюсь его необозримого за один присест тела. Мне кажется, что в его сомкнутом кулаке свободно поместится моя голова целиком. Представляете, что он может со мной сделать, если я его рассержу? А если не рассержу, а наоборот... то есть, если дело дойдет

до... ну вы понимаете... то от меня вообще один костяной лом останется. Я ему не Лира. Я вешу всего пятьдесят восемь килограммов при росте метр шестьдесят. Супруг Филипп называл меня суповым набором и умолял хоть немного поправиться. Я старалась, но безуспешно. Видимо, у меня такая конституция, против которой не попрешь. Сколько я ни ела пирожных, которые обожаю, и жирных продуктов, которые ненавижу, я так и не прибавила ни одного желаемого грамма.

Но со своих счетов я Слона все-таки не сбрасываю, потому что, во-первых, он умный, что в мужчине очень импонирует, во-вторых, его глаза все-таки кроткие, что говорит о сюрреалистичности фантазий на предмет моей головы и его кулака, а в-третьих, не так уж много мужчин оказывают мне такие явные знаки внимания. Если честно, то всего один Слон.

В данный момент, загородившись от начальницы компьютером, я как раз перебираю остальных кандидатов на мою руку и сердце, которые еще даже и не догадываются, что таковыми являются. Вообще-то мне надо вносить изменения в сдаточный чертеж вала ротора турбогенератора, но я думаю, турбогенератор еще как-нибудь перекантуется без своего ротора. В конце концов, если я не налажу свою личную жизнь, то буду без конца отвлекаться и ротор вообще никогда не поспеет. К тому же через пятнадцать минут рабочий день все равно уже закончится.

Четверо с половиной мужчин для одной женщины – это вообще-то перебор. Надо выбрать одного, хотя... можно опробовать их по очереди. Вроде как продегустировать. Но в этом случае важно, чтобы они не догадывались, что являются испытываемыми образцами.

Я вам сейчас расскажу про эти образцы. По порядку. Приготовьтесь.

Образец № 1.

Первый номер я присвоила Валерию Георгиевичу Беспро-званных. Фамилия, конечно, та еще... Но в случае брака, если до него дойдет, всегда можно оставить себе фамилию Филиппа – Савельева. Настоящая качественная отечественная фамилия, просто классика. А то еще можно вернуть себе девичью фамилию – Шаленина. В ней, по-моему, даже слышится что-то дворянское. Впрочем, я, как всегда, отвлекаюсь от основного.

Итак, Валерий Георгиевич. Любая другая женщина отвергла бы его сразу как бесперспективного. Во-первых, он дожил холостяком до тридцати девяти лет, что настораживает. Во-вторых, он ходит все время в одних и тех же брюках, которые наша сослуживица Надя Модзалевская называет отрывкой красных революционных шаровар героя известного художественного фильма. Брюки – кирпичного цвета, мягые-перемятые и заношенные – очень напоминают то, что думает о них Надя Модзалевская. Сверху, на довольно-таки широкие плечи, Валерий Георгиевич надевает столь же за-

мордованный временем и невзгодами черный свитер, выдавший такие виды, что даже Надя отказалась как-нибудь его охарактеризовать.

Любую женщину все это могло бы оттолкнуть сразу и бесповоротно (да и отталкивало, наверное, раз он дожил до такого почтенного возраста холостяком), но только не меня. Вы спросите почему? Охотно отвечу! Потому что для мужчины светлый низ и темный верх – это всегда стильно. Светлый низ и темный верх – это пик того, что могут позволить себе мужчины, которые сплошь и рядом рядятся во все черное сверху донизу. А у Беспрозованных не просто светлый низ. Он у него еще и кирпичного цвета, который при желании всегда можно именовать терракотовым. В свете вышеизложенного становится ясным, что Валерий Георгиевич, во-первых, способен к эпатажу, а во-вторых, готов идти против течения, что мне очень нравится в людях.

Я, например, хотя мне уже тридцать пять лет, до сих пор ношу короткие юбки, что приводит в раздражение мою начальницу – кандидата технических наук Юлию Владимировну, хотя в общем-то она тетка очень неплохая. В прошлом году она «разменяла полтинник», но на пятьдесят не выглядит. В самые тяжелые дни – на сорок пять, но чаще всего – на сорок. Она очень элегантна: носит строгие темные костюмы, светлые блузки и очень длинные жемчужные ногти. Лицо у нее тоже классическое, как и костюмы: с прямым носом, узкими губами в цвет ногтей и серыми бесстрастными

глазами, которые следят за порядком в бюро из-за модных узких очков в тонкой темной оправе. Юлия Владимировна очень удачно замужем за доктором наук и профессором одного из питерских вузов. Злые языки утверждают, что муж и написал ей кандидатскую. Может, и написал чего, если у него было на это время. Муж и должен помогать своей жене. Мы с Надей всегда восхищаемся нашей начальницей и всегда встаем на ее защиту. На службе рядом с Юлией мужа нет, но она всегда удачно и быстро решает производственные вопросы, ведет переговоры, пишет научные статьи и прикрывает своих подчиненных от злых сил, если что. Мы уверены, что она далеко пойдет и, несмотря на свой «полтинник», еще горы своротит. Возможно, напишет и докторскую. Хоть бы и с помощью мужа. Мы ее за это не осудим.

Разумеется, что при таком внешнем и внутреннем совершенстве Юлии Владимировне не могут нравиться мои люмпенизированные юбки. Чтобы она на меня не злилась, я чаще ношу кожаные брюки в обтяжку. Почему-то на них она не так болезненно реагирует. А на счет коротких юбок я ей всегда говорю... Впрочем, я, кажется, опять отвлеклась... Вернемся к Валерию Георгиевичу Беспрозованных.

У Валерия Георгиевича очень неплохое лицо, без особых изысков, но и без изъянов. Простое русское лицо. И никакого намека на разжижение волос и, кстати, на перхоть, которую я ненавижу. Мне легче простить мужчине отрывку революционных шаровар, чем усыпанные пеплом плечи. Ника-

кой тяги к посещению парикмахерских Валерий Георгиевич не испытывает. У меня такое впечатление, что, когда приходит время, он просто отрезает отросшие пряди кухонным ножом или обоюдоострым кавказским кинжалом, который, возможно, хранится где-нибудь у него дома. В общем, на голове Беспрозванных царит вечный беспорядок. Его всегда можно назвать художественным, потому что волосы слегка выются на концах и иногда тонкими змейками вылезают на лоб или на щеку.

На женщин Валерий Георгиевич принципиально не смотрит, что тоже хорошо. Глазеть по сторонам мужчине незачем: мало ли чего привлекательного там, на стороне, он может обнаружить.

Ну вот все положительные качества Беспрозванных я перечислила. Приходится переходить к отрицательным. Как ни прискорбно, они у него тоже есть. Во-первых, он все время бухтит: все-то ему не так, никто не хочет нормально работать... Я отношу это к его личной неустроенности, которая может быть преодолена, что автоматически приведет к искоренению бухтежа.

Во-вторых, Валерий Георгиевич отягощен многочисленными, болезненными и не приспособленными к жизни родственниками, которых он постоянно куда-нибудь устраивает и которым постоянно одалживает деньги. Вот это почти не поддается искоренению. Если родственники уже столько лет беззастенчиво пьют кровь Беспрозванных и тянут из него

жилы, то их можно только сжечь напалмом, которого у меня нет.

И наконец, в-третьих, мне не нравится имя Валерий и все его производные. Вот скажите, как называть человека с таким именем в интимные минуты? Не Валерочкой же и тем паче не Валериком! Тем более что при произнесении этого имени у меня язык все время соскакивает с «л» на «р», так что впору записываться в логопедическую группу при соседней средней школе.

С мужскими именами мне вообще никогда не везло. Вот взять Филиппа. Ничего себе имечко! Особенно безобразны два «п» на конце! И как мне было его звать в быту? Филей? В этом имени слышится что-то до того посконно-сермяжное, что сразу вспоминается толстовский Филиппок и хочется пойти босиком в народ. Филом? Это все равно, что Чипом и Дейлом! Так вот и мучилась с двумя «п» на конце.

Вы скажете, что я опять отвлеклась от Беспрозованных, и будете не правы. Хотя вообще-то о Валерии Георгиевиче я уже все рассказала. Кстати, представьте: он и сейчас бухтит. Хотя на сей раз основания у него есть. Поясню. Наше паршивое техническое бюро наконец полностью укомплектовали персональными компьютерами. Вы, наверно, думали, что я вношу изменения в какую-нибудь древнюю «синьку» чертежа, сделанную способом светоконии? Ничуть не бывало! Все интеллигентно, современно и на уровне: тюкаю ноготками по «клаве» и орудную оптической мышкой.

Так вот на днях в наше паршивое техбюро приходили сетевики. Догадываетесь, что они сделали? Точно! Подключили все компьютеры к заводской сети, и я теперь запросто могу залезть в компьютер собственной моей приятельницы Альбинки, которая работает в технической библиотеке нашего завода. В другие подразделения я залезть не могу, потому что все остальные подразделения, не будь дураками, поставили себе паролей, а я вам не хакер. А в библиотеке (даже несмотря на то, что она техническая) работают сплошь гуманитарные мыши-грызуны, вроде моей Альбинки. Где им поставить пароль, если слово «компьютер» они с коллектором путают. Словом, про Альбинку я вам расскажу позже, потому что она того стоит. А сейчас все-таки о Беспрозванных и о компьютерной сети.

Пока мы не были в заводской сети, компьютерная сеть нашего паршивого технического бюро работала быстро и без перебоев. Например, сделала я изменения в чертеже и, не сходя со стула, – раз – и передаю его на проверку ведущему инженеру Володьке Бондареву, а он, тоже ни с чего не сходя, – раз – и на подпись Юлии. А с тех пор, как мы вляпались в общую сеть, – все! Чтобы с моего компьютера с монитором «Flatron», единственно плоским в мире (так было написано на коробке), передать чертеж ведущему инженеру, надо затратить минут сорок. Ну и кому нужны такие новые технологии? Когда не было компьютеров вообще, я свою «синьку» перебрасывала ему на соседний стол за полсекунды!

Исходя из этого, вы должны понять, что сегодня Беспрозванных бухтел справедливо. Его чертеж, который он послал с соседнюю комнату (то есть, извините, в соседний офис) в конце прошлого рабочего дня, так и не пришел даже к обеду сегодняшнего. Беспрозванных уже обсудил все узлы чертежа с соседями по офисам на пальцах и на желтеньких липких бумажках для заметок, которые называются стикерами, когда чертеж наконец соизволил явиться адресату, но... в другом формате и с потерянной в сетевых анналах спецификацией. Тут бы и не только Беспрозванных разбухтелся.

Я ему прямо так и сказала за шкафом, где у нас устроено нечто вроде «еврогардероба» для сотрудников:

– Я с вами, Валерий Георгиевич, полностью солидарна! Работать в обстановке потерянных спецификаций совершенно невозможно!

Беспрозванных доверчиво подался ко мне всей своей широкой грудью в черном заношенном свитере и даже шепотом пожаловался на начальницу:

– Я, главное, ей говорю, давайте напишем сетевикам бумагу, что после того, как они нам «облегчили» работу, хочется вернуться в каменный век и снова начать высекать спецификации на скалах.

– А она? – преувеличенно заинтересованно спросила я.

– А что она! – Беспрозванных сатанински хохотнул за нашим шкафом и на всякий случай выглянул из-за него в офис, то есть в наше паршивое техническое бюро. Юлия Влади-

мировна кокетничала с электриком Юрием, который пришел привинтить к ее начальнической части стены навороченную гелиевую лампу, и внимания на нас с Валерием Георгиевичем не обращала. – Вы, Наталья Львовна, только на нее гляньте! Она пока не обвешает свое рабочее место всякими новыми прибабасами, ни за что о сотрудниках не беспокоится!

– Совершенно с вами согласна! – сказала я и подала Беспрозованных куртку, в рукава которой он тут же профессионально просунул руки. Чтобы не потерять его в тот самый момент, когда мы почти уже подружились, свой плащик я вынуждена была надевать на ходу.

– У меня есть к вам деловое предложение! – прокричала я ему в спину. – И именно по поводу компьютерной сети!

Беспрозованных так резко обернулся, что мы столкнулись с ним почти лоб в лоб, и я вдруг увидела: у него очень выразительного цвета глаза – эдакого черносмородинового. И почему я раньше этого не замечала?

– Ну?! – только и сказал Валерий Георгиевич, выстрелив дуплетом мне прямо в сердце своими черными смородинами.

– Давайте не станем полагаться на судьбу и Юлию Владимировну с ее гелиевой лампой, а напишем письмо сетевикам сами! – выпалила я одним духом.

– И что?

– А она подпишет.

– А она подпишет?

– А куда ей деваться? Работать-то невозможно! А тут на столе уже готовенькое письмо – только неси!

– А кто понесет?

Я сначала хотела сказать, что могу отнести сама, а потом, интимно улыбнувшись, предложила:

– А отнести мы можем с вами вместе, поскольку это наша общая идея, не так ли?

На лице Беспрозванных отразилась тяжелая работа мысли.

– Может ведь... и кто-нибудь один отнести... – в конце концов, родилось в его растревоженном мозгу.

– Может и один, – кивнула я, решив во всем с ним соглашаться, но тихой сапой вести свою линию. – Но не зря ведь говорят: одна голова хорошо, а две лучше. С народной мудростью спорить бесполезно.

Валерий Георгиевич вышел на улицу из нашего Большого Инженерного Корпуса в очень задумчивом состоянии. Я подумала, что на сегодня с холостого сотрудника достаточно новых впечатлений, очень вежливо попрощалась с ним и, как можно изящнее перебирая ногами в новых сапогах на умопомрачительных шпильках, поспешила к хлебобулочному киоску. Там меня уже ждала, вытягивая тонкую шейку из голубенького плащика, как птенец из гнезда, та самая моя подруга Альбинка, которую я уже упоминала.

Спиной я еще долго чувствовала взгляд Валерия Георгие-

вича Беспрозванных, но не оборачивалась, а подводила итоги только что успешно проведенной операции. Мне удалось его заинтересовать – это раз. Мне понравились его глаза – это два. И наконец, три: завтра мы с ним вместе будем составлять письмо сетевикам, а потом еще парой понесем его на восьмой этаж нашего Большого Инженерного Корпуса. Было бы здорово, если бы еще лифт не работал!

Ну а теперь я вполне могу рассказать вам про Альбинку. Это, я вам скажу, не женщина, а бледная немочь. Дохлая божья коровка! Засушенный лютик! Ей самое место в гербарии из бурых рассыпающихся книжных страниц технической библиотеки. Я еще не видела человека, к которому так стопроцентно подходило собственное имя. Натуральная альбиноска! Я ей уже сто раз предлагала покрасить волосы цвета загнивающего сена в какой-нибудь из радужных оттенков краски «Palette». Знаете, что она мне при этом каждый раз отвечает? Не поверите! Она говорит:

– А вдруг она испортит мне волосы?

А я говорю:

– Хуже их сделать уже нельзя!

И она каждый раз обижается. А я каждый раз злюсь. Ну не хочешь красить, кто ж тебя может заставить! Но сколько же можно обижаться на правду?

– И что на этот раз? – грозно спросила я Альбинку. Ласково ее спрашивать нельзя. От чрезмерного к ней участия

она почему-то тут же начинает рыдать.

– Он опять приходил...

– И что?

– Как всегда...

– Сколько тебе дать?

– Ну... хотя бы рублей пятьдесят – шестьдесят...

– И ты собираешься на них тянуть до получки?

– Собираюсь...

Здесь мне просто необходимо дать вам некоторые пояснения. «Он», ну который «опять приходил», – это бывший Альбинкин муж. Она почти сразу после школы выскочила замуж за нашего с ней одноклассника Ромочку Дюбарева. В школе этот Ромочка Дюбарев был такой же бледной немочью, как и Альбинка. Я думаю, что как раз на почве этой немочи они и снюхались.

Я вам сейчас опишу этого Ромочку на пороге родной средней школы накануне выпуска. Представьте себе довольно длинное, но тщедушное существо с женскими покатыми плечами, тонкими ногами «иксиком», круглым лицом, напоминающим недопеченный блин, и торчащим над ним цыплячьего цвета и той же «этимологии» коком. Пальцы Дюбарева, длинные и тонкие, имели на кончиках утолщения, напоминающие присоски мутантирующего человека-паука. Я думаю, как раз этими присосками он и присосался к Альбинке.

Честно скажу, процесса ухаживания и жениховства я не наблюдала, хотя всегда была самой близкой подружкой буду-

щей невесты. Их любовь образовалась из ничего, из хаоса взрывом, как, по утверждению некоторых ученых, образовалась наша Вселенная. Я и сама-то очнулась уже во дворце бракосочетания на набережной Красного Флота в роли свидетельницы со стороны невесты. Альбинка и Ромочка, эти две бледные спирохеты, держались за ручки и чуть не плакали от счастья.

Вы не поверите, но со временем Ромочка выправился и очень удачно заматерел, чего до сих пор нельзя сказать об Альбинке. «Иксики» Дюбарева к двадцати пяти годам выпрямились, что прибавило ему еще несколько сантиметров роста. Опущенные бабьи плечи, предусмотренные явно под декольте, конечно, не приподнялись, но весьма расширились, шея окостенела, и Ромочка, с первого класса имевший по физкультуре три с минусом, в пиджаке с накладными плечами стал напоминать слегка ссутулившегося под тяжестью гранитной мускулатуры качка. Блинообразное лицо обрело твердость в скулах и подбородке, а желтый кок надо лбом выгорел и приобрел благородный платиновый оттенок. Ошалев от метаморфоз собственного организма, Дюбарев стал упорно косить под обрусевшего прибалта из-под Даугавпилса.

Выше я вам уже сказала, что Альбинка, в отличие от мужа, не претерпела совершенно никаких изменений. Пару раз она, правда, оукливалась, то есть полнела, и я надеялась, что через положенное время из кокона вылетит-таки пре-

красная бабочка. Но вылетала не бабочка. Первый раз Альбинка родила худосочную девочку Сонечку, весом два килограмма и семьсот граммов. Второй раз никого не родила – роды оказались тяжелыми, ребенок погиб, да и сама Альбинка еле выкарабкалась. И именно в тот момент, когда моя подруга отходила от трагической потери ребенка, этот самый «качок» из-под Даугавпилса нашел на стороне первую благодарную слушательницу баек о покинутой его предками исторической родине. За первой незамедлительно последовала вторая слушательница, потом и третья. Надо отдать должное решительности бледного мотылька Альбинки: четвертой она не стала дожидаться, разведясь с даугавпилсцем на третьей же его пассии, на которой тот сдуру сразу и женился. Перейдя в статус жены, бывшая умильная слушательница быстро заткнула Дюбареву рот, объявив, что совершенно не одобряет оголтелый национализм прибалтийских народов и готова выйти куда угодно с плакатом «Даешь русский язык русским школьникам Даугавпилса!». Дюбарев попытался срочно перестроиться в коренного новгородца – в этом древнерусском городе проживали какие-то его дальние родственники. Но сказания о новгородском вече в его новой семье тоже как-то не пошли, и Ромочка, оскорбленный в лучших чувствах, показательно развелся со своей второй женой.

После истечения месячного траура по разбитой любви коренной новгородец начал опять подбивать клинья к Альбинке и, надо отметить, не безуспешно. Он снова начал приса-

сываться к ней своими присосками, с которыми никаких метаморфоз не произошло, и опять пил ее бледную кровь. Он катался у своей первой жены как сыр в масле до тех пор, пока у нее не кончались деньги или пока на горизонте не появлялась новая восторженная слушательница его эпических повествований в стиле «когда я на почте служил ямщиком», то есть «когда я жил прибалтом под Даугавпилсом». Как Ромочка скоро выяснил, женщины гораздо чаще западали на аборигена янтарного края, чем на новгородца. Видимо, потому, что Даугавпилс числился нынче зарубежьем, а памятник «Тысячелетию России» все уже успели посмотреть загодя, съездив в Новгород по профсоюзным путевкам.

Предлагать Альбинке раз и навсегда спустить Дюбарева с лестницы – бесполезно, ибо уже опробовано. Пару раз я сама пыталась шугануть его от дверей своей лучшей подруги. Так что вы думаете? Он так отвратительно мне улыбался и подмигивал, будто предлагал однополую любовь (может, и не зря у него от природы бабьи плечи). Оставалось только плюнуть ему под ноги и послать... под Даугавпилс.

Минут через сорок мы с Альбинкой были уже у меня дома.

– На полтинник до получки вы не проживете, – сказала я и выдала подруге триста рублей денежными знаками и пару севших бюстгальтеров для Сонечки, которой уже ни много ни мало, а целых семнадцать лет, и скоро будут уже и все

восемнадцать.

Подруга тут же упаковала белье, деньги упрятала в дешевенькое портмоне и раз сто кряду пробормотала: «Я сразу же отдам с полочки, ты же знаешь...», обжигая меня абсолютно голодным взглядом.

– Сонечку-то хоть кормишь? – спросила я.

Альбинка кротко кивнула. Вот эту ее кротость я ненавижу! Сегодня она меня возмутила особенно сильно, и я даже начала совершенно неприлично кричать:

– И какого черта тебе сдался Дюбарев? Этот самопальный даугавпилсец! Этот фальшивый новгородец! Из-за него ты как-нибудь обречешь Сонечку на голодную смерть!

– Что ты такое говоришь, Наташа? – ужаснулась Альбинка.

– А нечего уходить от вопроса! – продолжала я свое наступление. – Отвечай, когда тебя спрашивают: зачем тебе эта объедающая вас с дочерью бройлерная петушатина?

– Не знаю... Я, может быть, еще немного люблю его, – просто ответила подруга.

Я тут же растеряла весь свой боевой пыл и уныло спросила:

– Чего же тогда разводилась?

– Измены и брак несовместимы, – изрекла она, и ее бледный профиль показался мне похожим на слепок с головки античной богини.

– А с какой моралью совместимо то, что между вами про-

исходит сейчас? – все-таки спросила я.

– Мы оба свободные люди, а потому ничего аморального между нами не происходит.

Мы немного помолчали, доедая наскоро сварганенную мной яичницу с колбасой, а потом я сказала:

– Знаешь, Альбинка, мне тоже хочется влюбиться. А то, чувствую, жизнь зря проходит...

– Влюбиться – это легко, – ответила она, собирая кусочком хлеба остатки яичницы.

– Да ну?! – удивилась я как можно ядовитее.

– Конечно, нетрудно. Это у женщины в природе заложено. А вот любить, Наташа, очень тяжело... – И она горько вздохнула.

– Чтобы полюбить, все-таки для начала стоит влюбиться.

– Есть вариант?

– Целых четыре с половиной!

Теперь уже Альбинка воскликнула (только без всякого яда в голосе):

– Да ну?!

– Если хочешь, могу тебе кое-кого уступить по дружбе. Есть один – очень здоровый, хотя и половина. В два счета отучит Дюбарева к тебе шляться.

Всякая другая женщина непременно спросила бы, что это еще за половина, верно? А Альбинка – нет! Она сказала совершенно другое:

– А я хочу, чтобы ко мне шлялся хоть кто-нибудь! Неуже-

ли ты, моя подруга, до сих пор этого не понимаешь?!

– Не понимаю! Представь себе! Если бы кто-нибудь другой шлялся, так я ни слова не сказала бы. А этот... Уже семнадцать лет ничего не понимаю! Ну что в нем хорошего? Анемичный, нездоровый вид, желтый кок на голове... Или... – я вплотную придвинулась к подруге, – или он очень хорош в постели, а? Половой гигант? Что-то ты мне никогда этим не хвалилась!

Альбинка покраснела сразу всем лицом, шеей и даже тонкими ручонками.

– Неужели попала в точку? – всплеснула я руками. – Ну-ка поделись! Правда, что-то с трудом верится...

– То, на что ты намекаешь, – не главное, – дрожащим голосом ответила Альбинка. – Хотя и немаловажно. Я все-таки женщина...

– Ты?! Женщина?! – Я решила добить подругу окончательно. – Да ты погляди на свои сивые волосенки! На свой рыбий рот! На эти абсолютно голые глаза! Хотя бы с получки отслонявила себе на тушь и помаду!

– Мне все это не идет...

– Кто сказал тебе такую глупость?

– Рома...

– Ах, Рома! Тогда ясно! Твой Рома хочет, чтобы ты выглядела серой молью, на которую никто никогда не позарится. А он будет к тебе приходить, когда захочет, и пить из тебя кровь вместе со всеми остальными соками. Вурдалак!

– Ты, как всегда, все преувеличиваешь, Наташа!

– Я преувеличиваю? Да я еще и преуменьшаю! Все, надоело. Сейчас я займусь тобой вплотную. И не думай сопротивляться, не то отберу свои бюстгалтеры и триста рублей до зарплаты. Раздевайся! Мигом!

– Зачем? – Альбинка вскочила с табуретки и хотела спастись от меня бегством, но я быстро перекрыла ей путь к отступлению собственным телом.

– Затем! Красить тебя буду. В цвет баклажана!

– С ума сошла!

– Вот именно – сошла. Потому что себе купила и от себя отрываю. Цени, подруга!

И, держа под прицелом коридор, чтобы подруга не сумела улизнуть, я быстро юркнула в ванную, откуда так же мгновенно выскочила с яркой коробочкой в одной руке и со старым полотенцем наперевес – в другой. Испуганная Альбинка так и стояла посреди кухни. Я же говорила: с ней сюсюкать нельзя. Ее надо брать оголтелым напором. Что, кстати, хорошо усвоил и паленый прибалт Дюбарев.

Радикальный баклажан оказался в самый раз. Блеклое Альбинкино лицо приобрело молочную матовость мраморной статуэтки. Подходящую по тону помаду пришлось выковыривать спичкой из старого тюбика, который я уже хотела выбросить. Накрашенные ресницы придали облику подруги классическую законченность.

– Нет! Ты не женщина! – заявила я, отстранившись от сво-

ей модели.

– А кто? – опять испугалась Альбинка, и ее щеки окрасил нежнейший румянец в тон радикальному баклажану.

– Ты... ты просто... японская икебана! – наконец нашла я подходящее сравнение. – Пошли к зеркалу!

Окинув взглядом собственное отображение, Альбинка произнесла нечто среднее между «ух ты!» и «не может быть!», что прозвучало примерно так:

– У-у-у-ух-х-х... не... м... бы-ы-ыть...

После этого подруга перевела взгляд на меня, и ее свеженакрашенные глаза наполнились готовой пролиться в любой момент влагой. Я ее понимала. Поплакать было над чем. Вернее, над кем. На фоне баклажана и моей старой помады, так удачно расположившейся на Альбинкиных губах, я выглядела той самой серой молью, которой я ее только что обзывала. Посудите сами, на что похож мой портрет:

а) отросшая бесформенная стрижка;

б) темные корни и рыжеватые посеченные концы волос;

в) бледные губы, ибо помада была съедена вместе с яичницей; и наконец

г) потекшая тушь с правого глаза, в который попала вода, когда я смывала с Альбинкиных волос краску.

В общем я сейчас рядом с преобразившейся подругой напоминала в лучшем случае несчастную Золушку, собравшую свою сестрицу на бал и готовящуюся к переборке семи мешков фасоли.

– А как же ты? – простонала верная и добросердечная Альбина.

Честно говоря, про себя я тоже поняла: эдаким убожеством дальше жить нельзя, иначе ни один из образцов холостяцкого списка не только не клюнет, но еще и плюнет в след.

Весь следующий день Валерий Георгиевич Беспрозванных пытался от меня улизнуть, чтобы не писать со мной письмо сетевикам. Сначала он сбежал в цех, будто бы для переговоров со станочниками. Потом принялся переставлять драйверы на своем компьютере, который якобы без конца зависал. После этого минут на сорок он сам завис на телефоне, жидко перебраниваясь с заказчиками на предмет сметы затрат и премиальных за законченный этап работы по договору. В конце концов, мне это надоело, и я решила взять быка за рога. То есть Беспрозванных – за жабры.

– Валерий Георгиевич! – обратилась я к нему и сексуально подмигнула. – По-моему, пришла пора заняться нашим делом!

Беспрозванных с таким неподдельным страхом взглянул на мою прическу, что я поняла: перестаралась. Вчера я так раззадорилась Альбинкиным баклажаном, что тем же вечером в соседней парикмахерской сделала себе асимметричную стрижку и перекрасилась в цвет розового дерева. Краска была импортная и жутко дорогая. Кстати, такой же эффект вполне можно было получить и с помощью отечественной

красной туши для чертежных работ по двадцать три рубля пятьдесят копеек за флакон.

– Я сам напишу, – Валерий Георгиевич отмахнулся от моего розового дерева, как от нечистого с хвостом, чуть ли не осенив себя крестным знамением, и больше не реагировал ни на какие мои предложения.

Я вернулась за свой компьютер к так и не законченному чертежу уже известного вам вала ротора турбогенератора и крепко задумалась. Очевидно, с закоренелыми холостяками надо себя вести тоньше. Экстремизм розового дерева не для них. Пожалуй, и баклажан дал бы тот же результат. Хорошо, что я покрасила им Альбинку. Я с отвращением посмотрела на монитор с ротором и решила провести подругу. В конце концов, инженеру нашего паршивого технического бюро не возбраняется иногда посещать техническую библиотеку для повышения профессионально-интеллектуального уровня.

До библиотеки я не дошла, потому что в нашем коридоре навстречу мне попался намеченный к испытанию после Беспрозванных образец № 2. Поскольку Валерий Георгиевич сорвался с крючка (по крайней мере на сегодня), я посчитала для себя возможным отреагировать заинтересованным взглядом на улыбку этого образца. Пожалуй, пора рассказать вам о нем поподробнее.

Образец № 2.

Второй номер я присвоила Станиславу Яковлевичу Федорову, который является диаметральной противоположно-

стью Валерию Георгиевичу Беспрозванных, потому что официально женат был три раза, а сколько раз неофициально, боюсь, он и сам давно сбился со счета. С одной стороны, эта его любвеобильность настораживает, а с другой – возбуждает. Какой женщине не хочется заткнуть за пояс всех предыдущих неудачниц и доказать обществу, что она и есть самая-самая, то есть именно такая, на которую «запал» наконец на вечные времена даже сам Федоров. Станиславу Яковлевичу давно за сорок, но для всех женщин он навсегда останется Славиком.

Славик высок и слегка сутул. Эта сутулость придает ему шарм, потому что собеседнице кажется, будто Федоров склоняется перед ее прелестями с особым почтением. Он носит аккуратную короткую стрижку и усы, плавно переходящие в элегантную бородку, которую в старых романах обязательно называли бы испанской. В этих же романах Славика называли бы волооким мужчиной, потому что он являлся обладателем больших влажных глаз, затененных приличной длины ресницами.

В отличие от образца № 1 образец № 2 одевается с элегантной простотой. Никаких «отрыжек». Отпаренные шелковистые брюки или, в редких случаях, классически примятые под коленями джинсы.

Если вы обобщите все вышеизложенное, то сделаете вывод о безусловной внешней привлекательности Славика Федорова и будете правы.

При виде моей новой прически цвета розового дерева Славик не смог удержаться от изысканного комплимента:

– Какой у вас нынче замечательный цвет волос, Наташенька! Прямо вино утренней зари!

Именно в этом месте стоит вам заметить, что от комплиментов номер второй вообще не умеет воздерживаться. Даже если бы я предстала перед ним с месяц не мытыми, засаленными волосами, свалявшимися в петушиный гребень, Славик не прошел бы равнодушно мимо. Он наверняка разразился бы чем-нибудь вроде: «Какая у вас экстремальная прическа, Наташенька!»

Обычно я проходила мимо его комплиментов, дежурно пожав плечами или пробормотав: «На том стоим!», сегодня же решила нарушить давно сложившийся ритуал.

– Вам и правда нравится? – спросила я Славика и фривольно облизнула губы кончиком языка по примеру раскрепощенных порнодив.

Станислав Яковлевич остолбенел. Отлаженная программа дала сбой, и он совершенно растерялся. Из его рук выскользнул реферативный журнал «Механическая обработка резаньем» и подбитой серой птицей спланировал на пол. Разумеется, наши руки, в соответствии с классикой отечественного и зарубежного кинематографа, встретились, когда мы оба одновременно попытались его поднять.

– О! У вас и ногти в цвет утренней зари! – вынужден был промямлить Славик.

– У меня еще масса других достоинств, – доверительно шепнула ему я прямо в испанскую бородку (поскольку до уха не доставала) и, покачивая бедрами в кожаных обтягивающих брюках, продолжила свой путь в библиотеку. Затылком я чувствовала, что Федоров провожает меня глазами, как наемни провожал Беспрозванных. Что ж, кажется, стрельнув по двум зайцам, я попала в обоих! Валерий Георгиевич здорово струхнул, а что произошло со Славиком, выясним немного позже. Главное, не форсировать событий!

Баклажановая Альбинка привела своих мышинных библиотечарш в состояние полнейшего ступора. На абонементе скопилась целая очередь жаждущих технической литературы, потому что две ее товарки путали стеллажи и книги, то и дело оглядываясь на колер волос моей подруги. Сама Альбинка гордо восседала посреди зала, занимаясь изыманием из каталога карточек устаревшей литературы. Я подошла к ней и спросила:

– Ну как?

– Супер! – восхитилась Альбинка. – И как называется твой цвет?

– Кое-кто назвал его «вином утренней зари».

– Красиво. А кто назвал?

– Образец № 2.

– Что еще за образец?

– Ну... это... говоря условно... В общем, так назвал мой

цвет волос один очень импозантный мужчина.

– Тот, про которого ты вчера рассказывала?

– С ума сошла! Разве я тебе рассказывала про импозантного?

– А про какого?

– Про нестандартного.

– А разве это не одно и то же?

– Конечно, нет. Импозантных – пруд пруди, а нестандартных... В общем, в нашем паршивом техническом бюро и его окрестностях всего один такой.

– Слушай, Наташа! – Альбинке показалось, что она снизила голос до шепота, на самом деле зашипела настолько змеевидно, что половина очереди повернула к нам свои головы, жаждущие технической литературы и ничего не имеющие против ознакомления с чужими секретами, раз уж все равно пока нечего делать.

– Давай выйдем, – сказала я подруге, и мы под ручку вышли из зала.

– Ну! – прижала я ее к стене коридора. – Что опять учудил твой оципаный филин?

– Не в нем дело! Вот посмотри! – Альбинка вытащила из кармана джинсов газетку «Будни тяжелого машиностроения» и сунула мне в нос последнюю страницу.

Я терпеливо отвела ее руку от своего лица, сказав, что давно уже не интересуюсь ни машиностроением, ни его буднями, а заодно и праздниками.

– Да там... на последнем листе... внизу, – засуетилась Альбинка, – то, что надо для этого... ну который нестандартный...

Я недоверчиво покосилась на смятый газетный листок. Внизу значилось: «Легкий флирт – дело нелегкое!» Мне пришлось еще раз вернуться к первому листу газетенки, чтобы удостовериться, что легким флиртом заинтересовалось именно машиностроение.

– Это про отношения поставщиков с заказчиками? – спросила я подругу.

– Это про то, как заставить сослуживца обратить на себя внимание!

– А зачем это машиностроению?

– Сейчас я тебе статью популярно изложу, – пообещала Альбинка и тут же начала излагать. – Понимаешь, копаясь в причинах полного упадка тяжелого машиностроения, некоторые аналитики пришли к выводу, что начать его возрождение необходимо с укрепления коллективов. Надо, чтобы человеку хотелось не только идти на работу, но и работать с большой самоотдачей. А работать с большой самоотдачей может только тот человек, который уверен, что на рабочем месте обязательно оценят его старания. Поскольку наши начальники не всегда догадываются оценить, в деле повышения производительности труда большое значение теперь придается легкому флирту на рабочем месте.

– То есть?! – не удержалась я от восклицания.

– Разъясняю! Допустим, тебе нравится в вашем паршивом техническом бюро какой-нибудь мужчина, и ты, чтобы произвести на него впечатление, начинаешь работать с огоньком. Это же просто, как дважды два!

Я вспомнила вяло висящий на мониторе моего компьютера ротор турбогенератора и способом недоуменного пожимания плечами усомнилась в выкладках аналитиков. Однако распалившаяся Альбинка моего недоумения не заметила и с большим воодушевлением продолжила:

– Оказывается, флирт создает в голове человека доминанту, и в этом все дело!

– А доминанта по отношению к флирту – это как?

– Доминанта – всегда доминанта, в отношении чего ее ни рассматривай! Вот как ты понимаешь, на что способен человек, находящийся в состоянии флирта?

– На что? – Я решила спросить, а не отвечать, потому что, кроме фривольного облизывания языком губ, на которое я недавно оказалась способна, явно флиртуя со Славиком Федоровым, ничего другого в голову не приходило.

– Ну как же! Для человека, находящегося в состоянии флирта, звезду с неба достать – не проблема! Цветы под снегом отыскать – запросто! Землю с орбиты сместить – пожалуйста! А уж написать отчет по проведенной работе за первый квартал – вообще пара пустяков, потому что это возвысит его в глазах того, с кем он флиртует на рабочем месте! Таким образом, мозг оказывается не в оппозиции к нашим

целям и задачам, а также нуждам тяжелого машиностроения, а в содружестве с ними! А доминанта – это такое состояние психического аппарата, когда все потенциальные возможности направлены на решение одной основной задачи. Вот если ты сможешь возбудить в себе эту доминанту, то...

– Ша, Альбинка! – остановила я подругу. – Вот теперь-то все стало ясно, как день.

Она очень обрадовалась, что мне не надо объяснять два раза одно и то же, и ткнула пальцем в последнюю колонку статьи:

– А вот тут я обвела для тебя красными кружками пункты, в которых объясняется, что нужно делать женщине, чтобы приглянувшийся ей мужчина обратил на нее внимание, не отрываясь от рабочего процесса.

– Да ну! – поразилась я революционному перевороту в отечественном машиностроении, выхватила у Альбинки газету и принялась читать.

«Пункт 1. Вы должны как можно чаще находиться в поле зрения выбранного объекта. Для этого стоит несколько раз в течение рабочего дня подходить к нему с просьбами о разъяснении технологических процессов, устройства оборудования и его рациональной загрузки. Желательно, чтобы расстояние между вами не превышало пятидесяти сантиметров. Только в этом случае происходит соприкосновение и взаимопроникновение биополей и настройка одного человека на волну другого.

Пункт 2. При обсуждении рабочих моментов старайтесь, будто бы невзначай, коснуться объекта рукой, рукавом или любой другой частью одежды. Люди придают слишком мало значения тактильным ощущениям.

Пункт 3. Приглашайте объект выпить с вами чашечку свежесваренного кофе в благодарность за то, что он бескорыстно уделяет вам бесценные минуты своего рабочего времени.

Пункт 4. В непринужденной беседе выясните, нравятся ли объекту парфюмерные ароматы, и исключите их из употребления, если они вызывают у него раздражение...»

Да-а-а... «Будни тяжелого машиностроения» – это вам не дебильный журнал для домохозяек «Шарм»... Тут все взвешено и рассчитано, как при введении легирующих элементов в сталь. Все-таки наше машиностроение за просто так не задушишь, не убьешь!

– Альбина Александровна! – высунула в коридор нос заведующая библиотекой. И сморщила его при виде наших смешавшихся прядей убийственно экстремальных цветов. А затем потребовала, чтобы подруга немедленно вернулась к исполнению своих должностных обязанностей, добавив сурово: – Вы все время забываете, что не при социализме работаете! – И нос заведующей скрылся на абонементе.

– Прочитаешь – вернешь! – пискнула мне в ухо Альбинка и бросилась вслед за носом заведующей.

Я шла на рабочее место и обдумывала только что прочитанное. Как все верно! Вот что значит научный подход! Вче-

ра я несколько раз находилась возле Беспрозванных на расстоянии не более пятидесяти сантиметров, и он, что называется, ел с руки. Стоило только ему сегодня отгородиться от меня раскученным системным блоком, как наши биополя разошлись, и все, вчера завоеванное, пошло псу под хвост.

Или взять инцидент со Славиком. Когда наши руки соприкоснулись на реферативном журнале, я сразу почувствовала взаимопроникновение биополей и смешение аур, но по серости своей не поняла, что произошло именно это. Я только подумала, что Федоров – очень сексапильный мужчина. Стоп! Я даже приостановилась в коридоре. А вдруг и Славик в отношении меня почувствовал то же самое? Не зря ведь он жег мне взглядом затылок! И что же теперь делать? Продолжать атаку на Беспрозванных с расстояния не более пятидесяти сантиметров или закрепить успех со Славиком? Честно говоря, несмотря на стильный терракотовый низ Валерия Георгиевича, испанизированный и волоокский верх Станислава Яковлевича привлекал меня гораздо больше. Хотя... у Беспрозванных есть еще в запасе смородиновые глаза...

Ладно! Сделаем так: если сегодня я еще раз ненароком встречу в коридоре Федорова, то постараюсь закрепить успех. Если же в течение рабочего дня он больше ни разу не попадет в поле моего зрения, значит, судьба пока благоволит к Беспрозванным.

Возле самых дверей нашего паршивого технического бюро мне встретился Валерий Георгиевич собственной персо-

ной и сразу попал в притягательное поле моих пятидесяти сантиметров. Он стрельнул смородиновыми глазами и, трянув перед моим носом листом бумаги, сказал:

– Я... это... к сетевикам... Юлия подписала...

Не говоря ни слова, я пошла с ним рядом ноздря в ноздю и по совету «Будней тяжелого машиностроения» через каждые три минуты ненароком касалась его замызганного свитера то локтем, то, особо изощрившись, плечом. Сетевики обещали обдумать наше письмо в течение недели. Я даже вставила какую-то неглупую фразу в наш разговор, за что в награду получила еще один выстрел смородиновым дуэтом.

На достигнутом я не остановилась. Когда мы с Валерием Георгиевичем детсадовской парой вернулись в наше паршивое техническое бюро, я, в соответствии с пунктом № 3 выкладок аналитиков от машиностроения, поблагодарила Беспрозованных за то, что он бескорыстно уделил мне драгоценные минуты своего времени.

– Да я вроде и не бескорыстно... Моя же спецификация гикнулась...

– Сегодня, Валерий Георгиевич, ваша гикнулась, завтра – может моя то же самое сделать. А вы самоотверженно приняли огонь на себя. И я предлагаю за это выпить по чашечке кофе. У меня, – шепнула я, придвинувшись к самому его уху, сократив таким образом сакральные пятьдесят сантиметров до пяти, – есть очень неплохой растворимый кофе. Немец-

кий! «Davidoff»! Стопроцентная арабика!

Как и обещали «Будни тяжелого машиностроения», Беспрозованных не смог отказаться. Честно говоря, Валерий Георгиевич не смог бы отказаться от кофе и без моего интимного шепота и касания рукавами. Он кофе любил и по собственной инициативе целыми днями глушил «Nescafe». А тут «Davidoff»! Не хухры-мухры! Разве от такого откажешься?

За стопроцентной арабикой я ненавязчиво попросила совета образца № 1 по части дамского парфюма. Я прямо так и сказала:

– Валерий Георгиевич, какие женские духи, по вашему мнению, не раздражают мужское обоняние?

Беспрозованных поперхнулся кофе и уставился на меня с таким ужасом, будто я спросила его, какие женские гигиенические прокладки он предпочитает: с крылышками или без. И тут я сообразила, что аналитики тяжелого машиностроения не все свои выкладки проверили на практике. Теория у нас, к сожалению, еще часто с ней расходится. Я уже не чаяла выйти из самой же созданного неловкого положения с достоинством, когда в наше «еврокафе» за стеллажами явилась Юлия Владимировна.

– Наталья Львовна! – процедила она сквозь блестящие серебристые губы. – Мне кажется, что я уже второй день вижу на мониторе вашего компьютера одну и ту же картинку. Это не только не делает вам чести, но и очень нерасчетливо

в свете нестабильного состояния промышленности в целом.

Вообще-то ротор томился на моем мониторе третий день, а что касается промышленности... то начальница явно не читала «Будней тяжелого машиностроения» и ничего не знала про доминанту. Я начала было соображать, каким образом ей ответить в свете предложений газетных аналитиков, но Беспрозванных успел раньше меня.

– Юлия Владимировна! Мы с Натальей Львовной как раз рассуждаем о том, не поменять ли нам радиус галтели у бочки ротора! – на черносмородиновом глазу заявил мой образец № 1.

Я поняла, что Валерий Георгиевич, как честный человек, отработывал кофе «Davidoff», и кинула на него взгляд, в несколько раз горячее нашей стопроцентной арабики. Это не укрылось от внимания начальницы, и она самым мстительным образом велела нам идти обсуждать сей животрепещущий вопрос не за чашками кофе, а возле монитора, чтобы сразу вносить изменения в чертеж. Я хотела было предложить ей кофе, но посмотрела на банку и решила, что там и так уже мало осталось.

После окончания рабочего дня из Большого Инженерного Корпуса мы с Беспрозванных вышли если еще и не рука об руку, то настолько вместе, что ожидающая меня у хлебобулочного киоска Альбинка округлила свои бледные глазенки до состояния глаз самой большой собаки из сказки «Огниво».

– Это кто? – с ужасом спросила она, когда Беспрозванных, кивнув мне на прощание давно не стриженной головой, побежал к маршруткам.

– Это он!

– Кто?

– Образец № 1 – нестандартный мужчина.

– Да уж... очень нестандартный, – презрительно скривилась Альбинка.

Я вспомнила, как Валерий Георгиевич самоотверженно защитил меня от Юлии, и обиделась за него:

– Чего уж в нем такого ужасного, что у тебя аж челюсть на сторону свернуло?

– Да он прямо парижский клошар...

– И давно вы, Альбина Александровна, из Парижу? – скривилась и я от едкой иронии, так и сквозившей в моем голосе.

– Не остри. Я их такими представляла, когда книжки французские читала.

– Французские клошары – это то же самое, что русские бомжи. Не хочешь же ты сказать, что Беспрозванных похож на бомжа?

– Так он еще и Беспрозванных к тому же...

– Слушай, подруга! – рассердилась я уже не на шутку. – Валерий Георгиевич, конечно, не идеал мужчины, но ничем не хуже твоего чухонца!

– Ничего не понимаю... – помотала головой Альбинка. –

Зачем тебе при стрижке цвета вина утренней зари сдался этот обтерханный мужик в лисьих штанах?

– Почему в лисьих?

– Рыжих потому что. Цвета драной голодной лисы.

– А я на нем... если хочешь знать... проверяю выкладки статьи «Легкий флирт – дело нелегкое!».

– Нашла на ком! Такого стоит только пальцем поманить.

– Ошибаешься, подруга. Этот «клошар» – убежденный холостяк и женщин на дух не переносит. Если уж на него подействует, значит... ну... ты понимаешь...

– Ладно, – махнула рукой Альбинка. – Проверь, на ком хочешь, только газету отдай.

– Тебе-то зачем? Ты со своим Дюбаревым все пункты инструкции уже отработала в законном браке.

– Не мне... Понимаешь, Сонечка влюбилась. У них там, в училище, есть один мальчик... Он на Сонечку не обращает никакого внимания, а она ночами плачет...

– Альбинка! Сонечке всего семнадцать лет! Пусть поплачет! Будет, что в старости вспоминать! Неужели тебе хочется, чтобы она, как ты, вляпалась в замужество практически в детстве?

– Что? Так сильно действует? – Альбинка с испугом посмотрела на листки газетки «Будни тяжелого машиностроения».

– Ты же видела этого «клошара»... Готов на все! – бодро соврала я, чтобы эта ненормальная мамаша не перекрыла

дочке святые слезы первой несчастной любви.

На том мы с Альбинкой и расстались, потому что подошел ее автобус.

Я ехала домой в маршрутке и размышляла о Беспрозванных. Неужели он производит на посторонних такое тяжелое впечатление? Видимо, Валерий Георгиевич мне как-то примелькался в своих... лисьих штанах. Вот вам и благородная терракота... И все-таки штаны штанами, а смородиновых глаз у него никто не отнимет!

И... опять же... он в два счета внес изменения в чертеж опротивевшего мне ротора, который наконец покинул поле моего монитора. Я только не очень поняла, обрадовалась Юлия, что чертеж наконец созрел, или огорчилась, что у одного компьютера подозрительно долго копошились целых два сотрудника. Но какое мне до этого дело! И вообще: дотянуть этого «клошара» до себя – в этом что-то такое есть...

Я в возбуждении даже поерзала на сиденье маршрутки, чем привела в негодование рядом сидящего дедка с негабаритной тарой на коленях. Но что мне его тара, когда передо мной открывались чудовищные горизонты и радужные перспективы! Это же просто Бернад Шои: «Пигмалион» наоборот. Я – профессор Хиггинс, Альбинка – полковник Пикеринг, Валерий Георгиевич Беспрозванных – неотесанная цветочница Элиза Дулиттл. А Слон, пожалуй, сойдет за Фредди. Или нет! Для Фредди Никифоров слишком умен. Пусть Фредди будет Славик Федоров!

Я представляла, как отучаю Беспрозванных бухтеть и прихлебывать на все бюро кофе, как мы стрижем ему волосы в модном салоне «Витязь» и покупаем красивую дорогую одежду. И обязательно рубашку с запонками. До чего же мне нравятся запонки! Зря их сейчас почти не носят! Особенно детально я представила себе сабантуйчик нашего паршивого технического бюро, который теперь велено называть корпоративной вечеринкой. Мы приходим туда рука об руку с Беспрозванных. Я в маленьком черном платье и на шпильках, Валерий Георгиевич – в темном костюме-тройке и в светлой рубашке с запонками и с галстуком. Вы, конечно, догадываетесь, что дальше идет немая сцена. Уже по Гоголю. Где до него Бернарду Шоу! И еще вы наверняка догадываетесь, что все остальные непродегустированные мною образцы во главе с волооким Славиком Федоровым в данный момент съжились и поблекли в моем воображении. Вряд ли они смогут предложить мне что-нибудь более изысканное. Решено! Я останавливаюсь на № 1 – на Беспрозванных Валерии Георгиевиче!

– Того и жди, пойдут дожди в Испании... – попытавшись вспомнить цитату из Бернарда Шоу, заявила я дедку с тарой, на что он мгновенно среагировал:

– А что им, этим испанцам! У них там жара! А вот у нас уже третью неделю кряду льет... Того и жди, что Нева выйдет из берегов!

Весь следующий день я советовалась с Валерием Георгиевичем на предмет нового чертежа, изменения в который мне надо было вносить. Несколько раз в процессе переговоров мы пили мой кофе и разговаривали о жизни, плавно переходя на допуски, посадки и шероховатости стальной поверхности, когда мимо нас проходила Юлия. Я уже надеялась на то, что после работы мне удастся затащить его перекусить блинчиками в соседнюю забегаловку «Чайная ложка», когда мимо нас прошел наш сослуживец Володька Бондарев и кинул всего одну фразу, которая отбросила меня назад на два дня, на состояние висящего на мониторе ротора:

– Окучиваешь Валерку, Натаха? Успеха тебе на этом нелегком поприще!

Вы бы видели, что сделалось с Беспрозванных! Смородиновые глаза потемнели до антрацитового цвета, лицо пошло красными пятнами. Он нервно отставил к стене нашего обеденного пластикового столика чашку с синим павлином и сухо сказал:

– Я думаю, что больше не нужен вам, Наталья Львовна. – И вернулся к своему компьютеру.

Я с ненавистью посмотрела на Володьку Бондарева, который походя разрушил мою мечту о немой сцене по Гоголю. А ко мне тут же подседа Надя Модзалевская и без спросу насыпала себе в чашку моего «Davidoffa». Помните Надю? Это она назвала брюки Беспрозванных отрыжкой красных революционных шаровар.

– Наташка, ты что, в самом деле положила глаз на Валерика? – спросила она, прихлебывая стопроцентную арабику.

– А что? – ответила я вопросом на вопрос.

– Это же дохлый номер!

– Точно. Особенно если мимо будет шастать Бондарев и совать свой нос куда не надо! – зло добавила я.

– Бондарев сделал то, что и должен был сделать настоящий товарищ, – вдруг неожиданно заявила Надя.

Мои глаза, видимо, приобрели еще более округлые и внушительные размеры, чем были у Альбинки, когда она увидела нас с Беспрозванных, потому что Надя, по-матерински приобняв меня за плечи, проникновенно сказала:

– Ну не надо так расстраиваться! Валерка – закосневший холостяк. Володька только намекнул на то, что ты покушаешься на его свободу, и Беспрозванных проявил себя во всей красе. Поэтому, если ты на самом деле решила разработать этот пласт, то должна действовать более тонко. Хотя... – Модзалевская убрала с моих плеч свои материнские руки. – На кой черт он тебе сдался? Тебя тут уже два раза Славик Федоров домогался. Бросаться в омут с головой – так хоть с красавцем, чтобы потом всю оставшуюся жизнь об этом вспоминать и детям рассказывать!

Что я могла ей на это ответить? Не петь же песнь про Бернарда Шоу, Гоголя и смородиновые глаза! К тому же и детей у меня нет. Разве что Альбинкиной Сонечке мне предстоит на старости лет рассказывать про мои похождения.

– Надь! А как это – более тонко разрабатывать пласт? – спросила я.

– Неужели он так тебя зацепил? – подивилась Модзалевская и даже выглянула из-за стеллажа, чтобы еще раз хорошенько осмотреть Беспрозванных. По-видимому, ничего достойного внимания она в нем так и не обнаружила, потому что спросила: – А ты хорошо подумала?

Я нашла в себе силы только на то, чтобы кивнуть.

– Значит, так! – деловито приступила к делу Надя. – Беспрозванных – человек старой закалки, воспитанный на тургеневских девушках и прочей лабуде, а ты полезла напролом, как современная деловая women.

– И что ты предлагаешь?

– Во-первых, вот это, – Надя показала пальцем на мои волосы цвета вина утренней зари, – надо срочно перекрасить во что-нибудь неброско-шатенистое. Во-вторых, снять кожаные портки и надеть юбку миди. А в-третьих... – Надя с сомнением посмотрела на меня, прикидывая, смогу ли я это одолеть.

– И что же в-третьих? – не выдержала я.

– Да понимаешь, для третьего надо, чтобы ты была в него по-настоящему влюблена, а ты... Неужели влюблена?

– Ну... не знаю... Может, еще нет... – промямлила я. – Но очень хочется влюбиться, понимаешь?!

– Это-то я как раз понимаю, но... Наташка! Может, ты передумаешь... в Беспрозванных-то влюбляться? Может, луч-

ше в Славика? Или вот... в отделе у Сафронова есть Женька Ладынин. Холостой. Тоже не первый сорт, но лучше все-таки нашего Валерки.

Надо сказать, что Ладынин значился в моем списке образцов под № 3. Он действительно был не первый сорт. Первый сорт – это мужики с полноценной шевелюрой, а у Ладынина – приличная розовая лысина. Я его внесла в список потому, что все остальное, кроме лысины, у него было сорта первого: и хорошее мужское лицо, и благородная осанистость, и густой баритон дикторов старого, советского еще, телевидения. И женат он, в отличие от Славика, был всего один раз. Я как раз собиралась выяснить у знатоков, почему он развелся, но тут все завертелось с Беспрозованных.

Кстати тут уж будет сказать и о последнем образце, о № 4. Под этим номером у меня значился Константин Ильич Коньков – наш главный электрик, начальник того Юрки, который прикручивал Юлии гелиевую лампу. Этот Коньков вообще был темной лошадкой. Он устроился на работу недавно, но наша кадровица уже успела сообщить всем заинтересованным лицам, что он абсолютно холостой.

В общем, про Ладынина и Конькова – это я вам сказала к слову. Они меня уже совершенно не интересовали, потому что я твердо решила сыграть главную роль в шоу в стиле того Шоу, который Бернанд, – великий английский драматург. Я настолько ясно представляла себе, как буду выращивать из гадкого утенка под фамилией Беспрозованных шикарную-

го лебедя, отмывать Золушку до состояния сказочной принцессы, шлифовать из Элизы Дулиттл мою прекрасную леди, воспитывать из торговца пирожками с зайчатиной мин херца Александра Даниловича Меншикова, что отказаться от этого было уже выше моих сил. И я сказала Наде Модзалевской.

– Сначала пусть будет Беспрозванных, а там... посмотрим... Кто помешает мне сменить его на Ладынина?

– И то верно, – согласилась Надя. – Тогда нужно, чтобы с этой же минуты глаза у тебя постоянно были на мокром месте.

– Зачем?

– Затем! Ты будто бы вовсе и не покушаешься на его свободу, а безответно влюблена. А он как будто бы тебя здорово оскорбил в лучших чувствах, потому что даже не допил кофе и бросил тебя за столом на произвол судьбы и издевательства Володьки Бондарева.

– А разве Бондарев издевался? Сама же говорила, что он поступил по-дружески.

– Бондарева с его издевательствами я беру на себя! Ты, главное, адекватно на них реагируй.

– На что?

– На издевательства.

– Это как?

– Ну... не переругивайся в ответ, не называй его скотиной, а томно закатывай глаза и вытирай их кружевным платочком в стиле тургеневской девушки.

– Может, прямо сейчас и начать?

– Валяй, – одобрила Надя, и я пошла к своему компьютеру. При виде очередного чертежа на его мониторе слезы сами собой навернулись мне на глаза.

Боковым зрением я видела, как Модзалевская о чем-то говорила с Бондаревым, который в изумлении тоже круглил глаза не хуже андерсеновских собак. Мне почему-то вдруг стало так жалко себя, а заодно еще и Альбинку с влюбленной Сонечкой, что я и не заметила, как по-настоящему разрыдалась.

Подойдя к моему столу с совершенно ненужным мне справочником молодого рабочего 1962 года издания, Надя прошипела:

– По-моему, ты переигрываешь.

Она сунула справочник мне в руки и громко, на все бюро, сказала:

– Вот. Ты просила действующие ГОСТы. – И еще раз шепнула: – Так можно запугать объект до полусмерти.

Я грустно посмотрела на объект, который не обращал на наши манипуляции ровным счетом никакого внимания.

Вы не поверите, но слезы мои были провидческими. Если, конечно, можно так выразиться. После работы меня опять ждала у хлебобулочного киоска Альбинка, на которой не было лица.

– Ну! – бросилась я к ней. – Что еще натворил твой дау-

гавпилсский новгородец?

– Он ничего... но Сонечка...

– Что с Сонечкой?! – испугалась я до умопомрачения. Все-таки она у нас была одной дочерью на двоих.

Альбинка расплакалась, уткнувшись в выставленный в витрине карельский хлеб.

– Да что случилось-то?! – начала я терять терпение.

Говорить Альбинка не могла, и я потребовала у киоскерши, чтобы она дала нам хоть какой-нибудь воды. Тетка, видя плачевное состояние моей подруги, налила чаю из собственных запасов, в который накапала своего же пустырника. Альбинка хлебнула этого русского народного бальзама и через некоторое время смогла пробормотать:

– Она... беременна...

– Сонечка беременна? – не поверила я.

– А Сонечка – это кто? – спросила киоскерша, решив, что имеет право знать, не зря ли потратила свой пустырник.

– Сонечка – наша дочь, – ответила я.

– Ну... де-е-евки! Это ж дело жите-е-е-ейское! – разочарованно протянула тетка. – Я-то подумала, что у вас кто-то умер.

Она обиженно захлопнула свое окошко, а мы с Альбинкой пошли к остановке автобуса.

– Когда ты узнала? – строго и по-деловому спросила я подругу. С ней же иначе нельзя.

– Сегодня утром.

– Она тебе призналась?

– Ее сегодня рвало.

– Мало ли что рвало. Может, у нее несварение желудка?

– А слезы по ночам?

Еженощные слезы, перешедшие в утреннюю рвоту, тоже показались мне подозрительными, и я спросила:

– А что она сама говорит?

– То и говорит...

– Альбинка! Почему из тебя все надо клещами вытаскивать? Можешь ты сразу все рассказать?

– Могу. Ей было так плохо, что она вынуждена была признаться, что беременна.

– Она была у врача?

– Нет, не была, но каждая женщина и без врача поймет, что беременна.

Опыта в подобных делах у меня не было, поэтому я поверила подруге на слово и снова принялась расспрашивать:

– А кто у нас счастливый папаша?

– В том-то и дело... – Глаза Альбинки опять наполнились слезами. – Это как раз тот мальчик... помнишь, я тебе говорила... Сонечка в него влюблена, а он на нее даже не смотрит.

– Ничего себе – не смотрит! Как это он, не глядя, умудрился ребенка ей запупырить?

Честно говоря, Сонечку очень даже просто не заметить. Думаю, вы вполне можете представить себе, кого могли про-

известии на свет две бледных спирохеты: Альбинка и очень светлый блондин Ромочка. Кожа у Сонечки была такой прозрачной, что просвечивали голубые жилочки на висках, шее и тонких руках. Если у матери волосы еще хоть как-то желтели, а кок у папаши в последнее время стал отливать благородной платиной, то кудри Сонечки напоминали пучок тонких белых катушечных ниток под № 60. Глаза девушки цвета выгоревшего дешевенького голубенького ситчика, а на губы у ее организма и вовсе не хватило краски. В жилах Сонечки вяло пульсировала блеклая разжиженная кровь двух альбиносов, и я никак не могла взять в толк, как она умудрилась раззадориться до секса.

– Ну и что вы намереваетесь делать? – спросила я несчастную подругу. – Надеюсь, не аборт? Имей в виду, я не дам тебе калечить девчонку!

– Конечно, не аборт, что ты! – замахала руками Альбинка. – Я, знаешь, думаю, может, поговорить с ним?

– С кем? С этим половым извращенцем?

– Откуда ты знаешь, что он извращенец?

– Только извращенец мог поднять свой... в общем, польститься на нашу девочку! Она же еще совсем ребенок!

– Он сам такой же ребенок. Не забывай, что они учатся в одной группе.

– Это еще ни о чем не говорит. В наше время не только в училище, но и в среднем звене очень средней школы можно отыскать таких бывалых... В общем, тебе и не снилось! И

что же ты хочешь ему сказать?

– М-может... он женится?

– С ума сошла! На что тебе целых три ребенка?

– Зато по-людски...

– Сама говорила, что он на нее даже не смотрит.

– Может, когда узнает о ребенке, посмотрит, а?

– А он, значит, ничего еще не знает?

– Сонечка не сказала...

– А вот это очень зря. Он должен знать, куда могут завести сексуальные игрушки!

– Это, Наташа, давно уже все знают...

– Знают, – не стала спорить я, – но теоретически. А мы ему раз – и результаты практических занятий. Поехали!

– Куда?

– В училище. Не женим, так хоть морду набьем!

– Так уж вечер... занятия кончились...

– Да, верно... – огорчилась я, потому что руки у меня уж очень чесались. – Ну ничего! У нее живот, как я понимаю, на нос еще долго не полезет, так что время у нас есть. Немедленно езжай домой к ребенку, а завтра возьмем по пол-отгула и поедем в училище квасить этого папашу.

– Может, лучше без рук?

– На месте разберемся, что лучше.

На следующий день на работе я была тише воды и ниже травы, потому что думала только о Сонечке. Она вчера бы-

ла в таком плачевном состоянии, что Альбинка уже поздним вечером вынуждена была вызвать меня к себе на дом в качестве психотерапевта. Бледность Сонечки была обычным ее состоянием, но вчера вечером бедная девочка была сине-фиолетовой от горя и любви одновременно. Выяснилось, что она любит этого Даниила больше жизни, что сознательно пошла на секс, чтобы у нее хоть что-нибудь от него осталось на память. Даниил ни в чем не виноват, потому что Сонечка сама так захотела. Она знает, что Даниил ее не любит, а любит Кристинку Рябышеву, у которой каштановые кудри до пояса и черные глаза на пол-лица. Слезы нескончаемым потоком лились из голубеньких глазок нашей девочки. Я пыталась говорить какие-то слова, произносить какие-то двусмысленные сентенции, но в конце концов призналась, что психотерапевт из меня никакой, и мы дружно прорыдали втроем весь оставшийся вечер.

Таким образом, на рабочее место я явилась с заплавленными глазами, бледным лицом и горестными складками у губ в стиле самой настоящей тургеневской девушки, изнемогающей под бременем безответной любви.

– Я и не думала, что все настолько серьезно, – испугалась за меня Надя Модзалевская, а Володька Бондарев, проходя мимо уткнувшегося в монитор Беспрозванных, сказал:

– Кретин! Ты посмотри, какие женщины из-за тебя убиваются!

«Кретин», оторвавшись от компьютера, никак не мог со-

образить, про каких таких женщин идет речь, и даже на всякий случай зыркнул в сторону начальницы Юлии Владимировны. Та интимно говорила по телефону, и Бондареву пришлось прямо показать бестолковому Валерию Георгиевичу на меня. Я тяжело вздохнула по Сонечке и углубилась в справочник молодого рабочего за 1962 год.

Надя с Володькой в течение первой половины рабочего дня по части оказания мне дружественной помощи превзошли все мои ожидания.

Бондарев еще три раза обозвал Беспрозванных кретином и несколько раз довольно громко сказал:

- а) такие женщины на дороге не валяются;
- б) если бы по нему, Бондареву, так сохли, то он не сидел бы, как дурак, за компьютером;
- в) если он будет продолжать сидеть, как дурак, за компьютером, то найдутся другие, которые сидеть не будут;
- г) и д) – в таком же духе.

Надя Модзалевская тоже довольно громко произнесла следующее:

- а) Наташенька, не стоит так переживать, будет и на твоей улице праздник...
- б) Наташенька, он тебя не стоит, найдутся и получше...
- в) Наташенька, хочешь, я с ним переговорю на твой счет, хотя он тебя абсолютно не заслуживает...

Я совершенно искренне голосила, что не надо ни с кем говорить. Надя понимающе кивала и два раза вызывала меня

в коридор, будто бы ее просил это сделать Славик Федоров.

В результате этих действий обстановка в нашем паршивом техническом бюро наэлектризовалась до предела. Когда я шлепнула Юлии на стол заявление о предоставлении мне половины отгула по семейным обстоятельствам, она без слов подписала и даже шепнула:

– Наталья Львовна, держите себя в руках! Я целиком на вашей стороне! Мы сделаем все от нас зависящее!

Я посочувствовала бедняге Беспрозванных и помчалась на встречу с Альбинкой.

Возлюбленный Сонечки Даниил оказался слегка уменьшенной копией волоокого Славика Федорова. На его юношеском лице даже уже кустилась молодая поросль будущей испанской бородки.

– Дохлый номер, – сказала я Альбинке. – Такие не женятся. Или, в крайнем случае, женятся, но дня на два, не больше.

– Нам бы, чтобы ребеночек был законнорожденный, в браке...

– Дура ты, Альбинка! – в сердцах сказала я. – На дворе давно уже не девятнадцатый век. И даже не двадцатый.

Когда нам удалось прижать волоокого Даниила к ограде училища, он от удивления так трогательно захлопал своими огромными ресничками, что я мысленно похвалила Сонечкин выбор. Красивый мальчик, не придерешься.

Я (потому что Альбинка могла только беззвучно, как ры-

ба, разевать рот) в общих чертах обрисовала волоокому будущему папаше ситуацию и потребовала определиться в намерениях.

– А вы ничего не путаете? – спросил парень.

Я тут же решила, что мы и правда что-то путаем. Ну не могла Сонечка срубить сук настолько не по себе! Этот мальчик предназначен для принцесс крови, а не для наследницы псевдоприбалта Дюбарева. Я уже хотела пробормотать «извини», когда топчущаяся на крыльце училища хорошенькая девушка с гривой блестящих темных кудрей крикнула:

– Даник! Ты скоро?

– Не мешай, Кристина, тут серьезное дело! – ответил ей парень.

Кристина пожала плечами, недовольно сверкнула яркими глазами и независимой походкой пошла в противоположную от нас сторону.

Нет, все сходилось. Сонечкино училище. Даниил. Кристина.

– Не путаем! – жестко сказала я. – Возможно, что это вы, молодой человек, запутались в своих поклонницах.

– Я не знал, что Соня моя поклонница...

– Вот так номер! – дьявольски расхохоталась я. – Не знал, а ребенка ей сделал! Нонсенс! Не находишь? Или теперь такие нравы?

– Знаете что, дайте мне прийти в себя, – неожиданно попросил вдруг Даниил. – Все так неожиданно...

– Нет, вы посмотрите на него! – продолжала я гадливо улыбаться. – Неожиданно! Ты что, когда сексом с ней занимался, не ожидал, что может получиться ребенок?

– Я не про то...

– А про что?

– А вы, собственно, кто? – вместо ответа спросил Даниил.

– Вот она, – ткнула я в Альбинку пальцем, – ее мать. А я... в общем, кто я – неважно... я очень близкий Сонечке человек.

После этого сообщения парень больше не обращал на меня никакого внимания и повернулся к Альбинке.

– Понимаете, я не помню, чтобы что-то было, – сказал он.

– Амнезия? – опять ввернула я. – Как в мексиканском сериале?

– У нас, правда, была вечеринка... все здорово выпили... Я не помню, была ли с нами Соня... – Даниил, игнорируя меня, смотрел только на Альбинку.

– Так ты еще и алкаш? – развернула я его к себе лицом. – Нам, значит, аборт делать, девчонку калечить, чтобы она урода какого-нибудь не родила?!

Парень выкрутился из моих рук и опять повернулся к Сонечкиной мамаше.

– Надо все-таки уточнить, – опять заговорил он, – я ли виноват... Может, все-таки не я...

– Так! Все ясно! Пойдемте, Альбина Александровна! – потянула я за руку совершенно ошалевшую подругу. – Нам

здесь больше нечего делать!

Мы оставили Даниила у ограды училища и отправились к метро. Уже на эскалаторе Альбинку вдруг прорвало:

– Зачем мы ушли? Он вроде не отказывался! А ты меня потащила!

– Альбина, похоже, что он не сволочь, но нам от этого не легче.

– Почему?

– Потому что он не любит нашу Сонечку. Он даже не мог вспомнить, была ли она на вечеринке!

– Ну и что?

– А ничего! Похоже, если на него как следует нажать, он даже женится... Но это не принесет Сонечке счастья. Не любит он ее!

– Может, потом полюбит?

– Ага! Держи карман шире! Тут сплошь и рядом любимых перестают любить...

На следующий день я шла на работу со Славиком Федоровым. Встретились мы с ним, выйдя из своих маршруток, и он намертво ко мне приклеился. И даже вызвался нести мой пакет с кактусом, который я намеревалась поставить на компьютер для улучшения экологической обстановки на своем рабочем месте.

– Что-то в последнее время вы, Наташенька, очень грустны, что никак не вяжется с радостным цветом ваших волос, –

отметил Федоров.

Я как раз размышляла над тем, в каком ключе ему ответить, когда почувствовала чей-то взгляд. Я повернула голову. На нас со Славиком пристально смотрел Валерий Георгиевич Беспрозванных, который, как оказалось, шел почти рядом. Я печально кивнула ему головой в знак приветствия и ответила Федорову настолько громко, чтобы мог слышать Валерий Георгиевич:

– Да вот... специально покрасила волосы... для одного человека, а он не реагирует...

Испуганный этим заявлением, Беспрозванных прибавил шагу и очень скоро исчез сначала в проходной Большого Инженерного Корпуса, а затем и из поля моего зрения.

По пути до дверей нашего паршивого технического бюро мы с Федоровым обменялись еще некоторым количеством двусмысленностей, и я поняла, что Славик будет ждать меня после работы где-то в районе так любимого нами с Альбиной хлебобулочного киоска.

Весь день я на Беспрозванных не смотрела, потому что первые полчаса устанавливала кактус, а все последующие были потрачены на чертеж, который срочно затребовал цех. Надя с Володькой тоже помалкивали, поскольку были заняты не меньше меня, а Юлия пропадала у начальства. Я не знала, сделали ли они для меня все возможное, как обещали, но даже спросить было некогда. Мы все даже пили кофе порознь – тогда, когда у каждого выпадала свободная минута.

В конце рабочего дня Надю с Бондаревым вызвали в отдел комплектации, и мы уходили с работы вместе с Беспрозванных. Я старалась не отрываться от него на расстояние дальше пятидесяти сантиметров, и ему ничего не оставалось, как вежливо и по-прежнему очень испуганно со мной разговаривать. Когда мы бок о бок вышли из Инженерного Корпуса, я набралась смелости и предложила:

– А не зайти ли нам с вами, Валерий Георгиевич, вот в это заведение? – И я показала ему на «Чайную ложку», на которую давно рассчитывала. – Посидим, по-дружески выпьем чаю и поговорим про... чертеж обечайки, который у меня... что-то опять не идет...

Смородиновые глаза Беспрозванных заметались в своих орбитах так, что я испугалась, как бы они не отправились в свободный полет по Питеру, а Валерий Георгиевич не лишился бы, таким образом, единственного своего украшения. Нечеловеческим усилием воли он привел глаза в нормальное положение, одернул свою старую куртку, о которой тоже можно было уже слагать саги и легенды, и хрипло ответил:

– Ну... вообще-то... можно и зайти...

Чувствовалось, что Беспрозванных никогда не ходил с женщинами в общественные места, потому что в дверь чайной пролез вперед меня. Тяжелая стеклянная створка, которую он даже не попытался придержать, чуть не смела меня с лица земли напрочь. В чайной он тут же бросился к стойке с подносами, как мне показалось, вообще забыв, с кем при-

шел.

«Чайная ложка» при всех своих новомодных интерьерных изысках в розовых тонах по способу выдачи пищи очень напоминала столовую советского периода. Мы с Валерием Георгиевичем, волоча за собой пластиковые подносы, молча передвигались вдоль сверкающих сталью стоек, на которых в изящных креманках и тарелочках было расставлено неисчислимое количество всяких вкусностей. У меня было такое впечатление, что Беспрозванных, вырвавшись далеко вперед, хотел показать персоналу «Чайной ложки», будто мы с ним совершенно незнакомы, и очень в этом преуспел. Когда Валерию Георгиевичу показалось, что он зря не взял сырники со сметаной, которые остались уже позади меня, то он, ни слова не говоря, полез за ними, мазнув меня по лицу шершавым рукавом свитера, а по моим блинчикам – выпавшим из своих гнезд концом брючного ремня. Девушка в фирменном передничке с вышитой чайной ложкой на груди даже сказала ему:

– Мужчина! Женщина же это должна есть! Мы обратно не возьмем!

Беспрозванных безлико извинился. За столик мы, к удивлению все той же девушки в фирменном передничке, сели вместе, но Валерий Георгиевич, уткнувшись в свои сырники, изо всех сил старался на меня не смотреть. Он ел с очень большой скоростью, и я поняла: через пять минут он заявит на всю чайную: «Ну я пошел!» Допустить этого было нельзя.

– А я знаю еще одно местечко, – сказала я. – Совсем рядом! Там подают не только сладости и молочные блюда, но еще и мясо. И недорого. В другой раз можно будет зайти туда, ведь правда?

Валерий Георгиевич прекратил жевать, поднял на меня глаза тяжелобольного человека, натужно проглотил кусок и спросил:

– Наталья Львовна, скажите честно, что вам от меня надо?

Тут уж совершенно растерялась я. Чтобы потянуть время перед ответом, я засунула в рот приличный шмат блинчика с творогом и начала жевать его старательно под пристальным наблюдением Беспрозванных. Но поняла, что ответить все-таки придется.

– Ничего такого особенного... Просто по-дружески поужинать... Не понимаю, что здесь такого... страшного... – Я жевала слова, как до того блинчик с творогом, и уже сама в смущении отводила глаза.

– А потом что?

– А что потом? – вздрогнула я и уставилась в его смородины.

– Ну... поедим... А потом? Я должен буду вас проводить до дома?

– А вам не хочется?

– А почему мне должно хотеться?

– То есть... вы хотите сказать, что вам совершенно не хочется? – глупо уточнила я.

– Совершенно, – не стал юлить он.

– То есть вам противно?

– Я этого не говорил. У меня дела. Вы можете такое допустить?

– Могу, но вы тоже могли сразу отказаться идти в чайную, сославшись на дела. Почему вы не сослались?

– Но вы же хотели поговорить про обечайку.

– К черту обечайку! – выкрикнула я так громко, что на нас обернулись люди, ужинающие за соседними столиками. Я думаю, они не представляли себе, что такое обечайка, и, возможно, посчитали, что мы бранимся из-за невысокого качества чая в наших чайниках.

– Так что же тогда, если не обечайка? – тоже довольно громко спросил мой образец № 1.

– А вы не догадываетесь? – спросила я, чувствуя, что на глаза навернулись слезы унижения. Мне уже казалось, что я давно влюблена в него, а он, как последний идиот, этого не понимает. Я уже не замечала ни старого растянутого свитера, ни криво остриженных ногтей. Я видела только чудесные почти черные глаза и сильные руки, которые гнули в дугу казенную стальную вилку.

– Наши... ну... Володька с Надей все время на что-то намекают... Но не будете же вы утверждать, что все это правда?

– А если буду? – буркнула я. Внутри меня что-то оборвалось и покатилося в колени.

Беспрозванных наконец согнул вилку под прямым углом

и заявил:

– А я не верю... Это все какая-то непонятная мне игра...

– Вы... вы болван, Валерий Георгиевич, – прошептала я и вылетела из-за столика.

Слепая от заливавших глаза слез унижения, я металась возле «Чайной ложки» в поисках верного направления к остановке маршруток. Сообразив наконец, что мне надо перейти дорогу, я двинулась строго прямо, невзирая на отсутствие знака перехода в данном месте, и чуть не влетела под колеса темно-лиловой «Ауди». Это, конечно, я уже потом сообразила, что машина являлась именно «Ауди», когда сидела рядом с водителем, а в тот момент, когда жутко взвизгнули тормоза, мне было не до марки машины. Мне было только до того, где бы присесть, чтобы не упасть от накотившего постфактум ужаса.

И я присела прямо на поребрик, закрыла лицо руками и разрыдалась. Я успела как следует отплакаться, когда водитель «Ауди» наконец сумел выпростать из машины свое тело. Это сделать было нелегко, потому что являлся он не кем иным, как Сергеем Семеновичем Никифоровым, в просторечье прозываемым Слоном и являющимся половинным недовеском в моем списке образцов.

– Наталья Львовна, – с дрожью в голосе заговорил он, – с вами все в порядке?

Со мной все было в полном беспорядке, но я мужественно ответила:

– Да-да... Все в порядке... Все хорошо... Я сама виновата...

– Нет, я тоже хорош... Надо было смотреть... – И он своими огромными ручищами нежно снял меня с поребрика. Я и сама не поняла, как оказалась в его машине. Виновато глядя на меня кроткими, темно-серыми, как оказалось, глазами, Слон сказал: – Поскольку я посмел вас так напугать, то просто обязан загладить свою вину. Предлагаю поужинать в ресторанчике «Золотая чаша». Две минуты езды отсюда. Как вы на это смотрите?

После «Чайной ложки» мне для полного общепитовского комплекта не хватало только «Золотой чаши». Я хотела отказать, а потом подумала, что если откажусь, то останусь наедине с собой и своими неутешительными размышлениями. А я боялась себя и всего того, что мне все-таки предстояло обдумать. Отправившись со Слоном в «Золотую чашу», я могла несколько отодвинуть во времени разборку с собственной персоной и потому бодро кивнула головой Сергею Семеновичу. И мы поехали.

«Золотая чаша» оказалась действительно нестерпимо золотой. Ее стены были покрыты слепящей фольгой и украшены граненым стеклом, призванным олицетворять драгоценные камни. Зал, где стояли столики, украшали многочисленные арки и колонны, которые тоже были облеплены псевдодрагоценностями. В красном углу зала сверкало сооружение, отдаленно напоминающее корону Российской империи, на

деле оказавшееся входом на кухню. Именно из этой «короны» выносили свои подносы официанты, разодетые в псевдорусские кафтаны с псевдожемчужным шитьем. Все в ресторанчике было выпреним, помпезным и ненастоящим, как золотая фольга и стеклянные самоцветы. Мне казалось, что Слон привез меня в диснеевскую пещеру Аладдина. И сам он, огромный и услужливый, как джинн, был похож на персонажа того же мультфильма.

Еда в «Золотой чаше», в отличие от всего остального, была настоящей и вкусной. Поскольку в «Чайной ложке» я успела только один раз откусить от блинчика с творогом, то смогла оценить ее по достоинству и даже сказала об этом Слону:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.